

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Оноре
де БАЛЬЗАК

*Блеск и нищета
куртизанок*

Москва

2018

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Б21

Перевод с французского *Нины Яковлевой*

Оформление переплета *Натальи Ярусовой*

Серия «Зарубежная классика»
В оформлении переплета использованы фрагменты работы
художника Фредерика Солакруа

Бальзак, Оноре де.

Б21 Блеск и нищета куртизанок / Оноре де Бальзак ; [пер.
с фр. Н. Яковлевой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 544 с.

ISBN 978-5-04-096538-0 (Всемирная классика)

ISBN 978-5-04-096535-9 (Зарубежная классика)

Люсьен де Рюбампре, пройдя через множество испытаний и лишений, теперь возвращается в высших кругах парижского общества. В свет его выводит всеми уважаемый аббат, а в действительности беглый каторжник, мастерски умеющий манипулировать людьми. Однако красивая жизнь имеет высокую цену. Несмотря на любовь к красавице Эстер, Люсьен вынужден ухаживать за наследницей богатого герцога. Кто бы знал, к насколько печальным последствиям могут привести такие опасные игры...

«Блеск и нищета куртизанок» — книга, в которой дана грандиозная по широте охвата картина Парижа 1824—1830 годов, где продается и покупается все — карьера и положение, любовь и дружба. Здесь во всем своем ослепительном блеске и во всей своей душевной нищете царят богини продажной любви, дамы полусвета, парижские куртизанки. Множество судеб сплетено интригами, жадной славы, любовью и предательством в тугой узел, разрубить который оказывается способна лишь трагическая смерть.

Почти детективный сюжет, глубина социального и психологического анализа, блестящие зарисовки быта и нравов делают «Блеск и нищету куртизанок» одним из самых завораживающих романов XIX века, непревзойденным в своей масштабности.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-096538-0
ISBN 978-5-04-096535-9

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

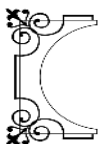
Его светлости князю

*Альфонсо Серафино ди Порция*¹

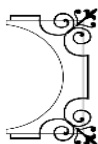
Позвольте мне поставить Ваше имя в начале произведения истинно парижского, обдуманного в Вашем доме в последние дни. Разве не естественно преподнести Вам цветы красноречия, возвращенные в Вашем саду и орошенные слезами сожалений, давших мне познать тоску по родине, которую утишали Вы в те часы, когда я бродил в boschetti и вязы напминали мне Елисейские поля? Быть может, этим я искуплю свою вину в том, что, глядя на Duoto, я мечтал о Париже, что на чистых и красивых плитах Porta Renza я вздыхал о наших грязных улицах. Когда я подготовлю к выходу в свет книги, достойные посвящения миланским дамам, я буду счастлив упомянуть в них имена, столь любезные сердцу Ваших старинных итальянских новеллистов, избранные мною среди имен любимых нами женщин, которым и попрошу напомнить об искренне преданном Вам

де Бальзаке

Июль 1838 г.

Часть первая КАК ЛЮБЯТ ЭТИ ДЕВУШКИ

В 1824 году, на последнем бале в Опере, многие маски восхищались красотой молодого человека, который прогуливался по коридорам и фойе, то ускоряя, то замедляя шаг, как обычно прохаживается мужчина в ожидании женщины, по какой-то причине опоздавшей на свидание. В тайну подобной походки, то степенной, то торопливой, посвящены только старые женщины да некоторые присяжные бездельники. В толпе, где столько условленных встреч, редко кто наблюдает друг за другом: слишком пламенны страсти, самая Праздность слишком занята. Юный денди, поглощенный тревожным ожиданием, не замечал своего успеха: насмешливо-восторженные возгласы некоторых масок, неподдельное восхищение, едкие *lazzis**, нежнейшие слова — ничто его не трогало, он ничего не видел, ничему не внимал. Хотя по праву красоты он принадлежал к тому особому разряду мужчин, которые посещают балы в Опере ради приключений и ожидают их, как ожидали при жизни Фраскати² счастливой ставки в рулетке, все же казалось, что он помещански был уверен в счастливом исходе нынешнего вечера; он являлся, видимо, героем одной из тех мистерий с тремя лицевеями, в которых заключается весь смысл костюмированного бала в Опере и которые представляют интерес лишь для того, кто в них участвует; ибо молодым женщинам, приезжающим сюда только за тем, чтобы потом сказать: «Я там была», провинциалам, неискусенным юношам, а также иностранцам Опера в дни балов должна казаться каким-то чертогом усталости

* Шутки-импровизации в итальянской комедии масок (*umal.*).

и скуки. Для них эта черная толпа, медлительная и суетливая одновременно, что движется туда и обратно, извивается, кружится, снова начинает свой путь, поднимается, спускается по лестницам, напоминая собою муравейник, столь же непостижима, как Биржа для крестьянина из Нижней Бретани, не подозревающего о существовании Книги государственных долгов. В Париже, за редкими исключениями, мужчины не надевают маскарадных костюмов: мужчина в домино кажется смешным. В этой боязни смешного проявляется дух нации. Люди, желающие скрыть свое счастье, могут пойти на бал в Оперу, но не появиться там, а тот, кто вынужден взойти туда под маской, может тотчас же оттуда удалиться. Занимательнейшее зрелище представляет собою то столпотворение, которое с момента открытия бала образуется у входа в Оперу из-за встречного потока людей, спешащих ускользнуть от тех, кто туда входит. Итак, мужчины в масках — это ревнивые мужья, отслеживающие своих жен, или мужья-волокиты, спасающиеся от преследования жен: положение тех и других равно достойно осмеяния. Между тем за юным денди, не замечаемый им, следовал, перекатываясь как бочонок, толстый и коренастый человек в маске разбойника. Завсегдатаи Оперы угадывали в этом домино какого-нибудь чиновника или биржевого маклера, банкира или нотариуса, короче сказать, какого-нибудь буржуа, заподозрившего свою благоверную. И в самом деле, в высшем свете никто не гонится за унижительными доказательствами. Уже несколько масок, смеясь, указывали друг другу на этого зловещего субъекта, кое-кто окликнул его, какие-то юнцы над ним подшучивали; всем своим видом и осанкой этот человек выказывал явное пренебрежение к пустым островам: он шел вслед юноше, как идет кабан, когда его преследуют, не замечая ни лая собак, ни свиста пуль вокруг себя. Пусть с первого взгляда забава и тревога облачены в один и тот же наряд — знаменитый черный венецианский плащ — и пусть на маскараде в Опере все условно, однако ж там встречаются, узнают друг друга и взаимно друг за другом наблюдают люди различных слоев парижского общества. Есть приметы, столь точные для посвященных, что эта Черная книга возделений читается как занимательный роман. Завсегдатаи

не могли счесть этого человека за счастливого любовника, потому что он непременно носил бы какой-нибудь особый знак, красный, белый или зеленый, указывающий на заранее условленное свидание. Не шло ли тут дело о мести? Кое-кто из праздношатающихся, заметив маску, что следовала столь неотступно за этим баловнем счастья, снова вглядывался в красивое лицо, на котором наслаждение оставило свой дивный отпечаток. Молодой человек возбуждал интерес; чем дальше, тем больше он подстрекал любопытство. Впрочем, все в нем говорило о привычках светской жизни. Согласно роковому закону нашей эпохи, мало что отличает как в физическом, так и в нравственном отношении изысканнейшего и благовоспитаннейшего сына какого-нибудь герцога или пэра от прекрасного юноши, которого совсем недавно в самом центре Парижа душили железные руки нищеты. Под красотой и юностью могли таиться глубочайшие бездны, как и у многих молодых людей, которые желают играть роль в Париже, не обладая средствами, соответствующими их притязаниям, и все ставят на карту, чтобы сорвать банк, каждодневно принося себя в жертву Случаю, наиболее чтимому божеству этого царственного города. Его одежда, движения были безукоризненны, он ступал по классическому паркету фойе как завсегдатай Оперы. Кто не примечал, что здесь, как и во всех сферах парижской жизни, принята особая манера держаться, по которой можно узнать, кто вы такой, что вы делаете, откуда прибыли и зачем?

— Как хорош этот молодой человек! Здесь позволительно оглянуться, чтобы на него посмотреть, — сказала маска, в которой завсегдатаям балов легко было признать даму из общества.

— Неужели вы его не помните? — отвечал мужчина, с которым она шла под руку. — Госпожа дю Шатле, однако ж, вам его представила.

— Что вы? Неужели это тот самый аптекарский сынок, в которого она влюбилась? Тот, что стал журналистом, любовник Корали?

— Я думал, он пал чересчур низко, чтобы когда-нибудь встать на ноги, и не понимаю, как он мог опять появиться в парижском свете, — сказал граф Сикст дю Шатле.

— Он похож на принца, — сказала маска, — и едва ли этим манерам его обучила актриса, с которой он жил; моя кузина, которая вывела его в свет, не сумела придать ему лоску; я очень желала бы познакомиться с возлюбленной этого Саржина³; расскажите мне что-нибудь из его жизни, я хочу его заинтриговать.

За этой парой, которая, перешептываясь, наблюдала за юношей, пристально следила широкоплечая маска.

— Дорогой господин Шардон, — сказал префект Шаранты, взяв денди под руку, — позвольте вам представить даму, пожелавшую возобновить знакомство...

— Дорогой граф Шатле, — отвечал молодой человек, — когда-то эта дама открыла мне, насколько смешно имя, которым вы меня называете. Указом короля мне возвращена фамилия моих предков со стороны матери — Рюампре. Хотя газеты и оповестили об этом событии, все же оно касается лица столь ничтожного, что я не краснея напоминаю о нем моим друзьям, моим недругам и людям ко мне равнодушным; в вашей воле отнести себя к тем или к другим, но я уверен, что вы не осудите поступка, подсказанного мне советами вашей жены, когда она была всего лишь госпожой де Барже-тон. (Учитывая колкость, вызвавшая улыбку маркизы, бросила в дрожь префекта Шаранты.) Скажите ей, — продолжал Люсьен, — что мой герб — *огненнопламенной червлени щит, а в середине щита, поверх той же червлени, на зеленом поле — взъяренный бык из серебра.*

— Взъяренный... из серебра?.. — повторил Шатле.

— Госпожа маркиза объяснит вам, если вы того не знаете, почему этот древний гербовый щит стоит больше, чем камергерский ключ и золотые пчелы Империи, изображенные на вашем гербе, к великому огорчению госпожи Шатле, *урожденной Негрелис д'Эспар...* — сказал с живостью Люсьен.

— Раз вы меня узнали, я не могу уже интриговать вас, но не умею выразить, как сильно вы сами меня заинтриговали, — сказала ему шепотом маркиза д'Эспар, крайне удивленная дерзостью и самоуверенностью человека, которым она когда-то пренебрегла.

— Позвольте же мне, сударыня, пребывая по-прежнему в этой таинственной полутени, сохранить единственную

возможность присутствовать в ваших мыслях, — сказал он, улыбнувшись, как человек, который не желает рисковать достигнутым успехом.

Маркиза невольным жестом выдала свое недовольство, почувствовав, что Люсьен, как говорят англичане, *срезал* ее своей прямоотой.

— Поздравляю вас с переменой вашего положения, — сказал граф дю Шатле Люсьену.

— Готов принять ваше поздравление с тою же приязнью, с какою вы мне его приносите, — отвечал Люсьен, с отменной учтивостью откланиваясь маркизе.

— Фат! — тихо сказал граф маркизе д'Эспар. — Ему все же удалось приобрести предков.

— Фатовство молодых людей, когда оно задевает нас, говорит почти всегда о большой удаче, меж тем как у людей вашего возраста оно говорит о неудачной жизни. Но я желала бы знать, которая из наших приятельниц взяла эту райскую птицу под свое покровительство, тогда, возможно, мне удалось бы сегодня вечером позабавиться. Анонимная записка, которую я получила, несомненно, злая шалость какой-нибудь соперницы, ведь там речь идет об этом юноше; он дерзил по чьему-то указанию, последите за ним. Я пойду под руку с герцогом де Наварреном, вам будет нетрудно меня найти.

В ту минуту, когда г-жа д'Эспар уже подходила к своему родственнику, таинственная маска встала между нею и герцогом и сказала ей на ухо: «Люсьен вас любит, он автор записки, префект его ярый враг, мог ли он при нем объясниться?»

Незнакомец удалился, оставив г-жу д'Эспар во власти двойного недоумения. Маркиза не знала в свете никого, кто мог бы взять на себя роль этой маски; опасаясь западни, она села поодаль, в укромном уголке. Граф Сикст дю Шатле, фамилию которого Люсьен с показной небрежностью, скрывавшей издавна взлелеянную месть, лишил льстившей его тщеславию частицы *дю*, последовал, держась на расстоянии, за блистательным денди. Вскоре он повстречал молодого человека, с которым счел возможным говорить откровенно.

— Ну что ж, Растиньяк, вы видели Люсьена? Он неузнаваем.

— Будь я хорош, как он, я был бы еще богаче, — отвечал молодой щеголь легкомысленным, но лукавым тоном, в котором сквозила тонкая насмешка.

— Нет, — сказала ему на ухо тучная маска, отвечая на насмешку тысячью насмешек, скрытых в интонации, с которой было произнесено это односложное слово.

Растиньяк отнюдь не принадлежал к породе людей, сносящих оскорбление, но тут он замер, как бы пораженный молнией, и, чувствуя свое бессилие перед железной рукой, упавшей на его плечо, позволил отвести себя в нишу окна.

— Послушайте, вы, петушок из птичника мамыши Вокé, у которого не хватило отваги подцепить миллионы папаши Тайфера, когда самое трудное было уже сделано! Знайте, если вы не станете, ради вашей личной безопасности, обращаться с Люсьеном как с любимым братом, вы в наших руках, а мы не в вашей власти. Молчание и покорность, иначе я вступлю в игру — и ваши козыри будут биты. Люсьен де Рюампре стоит под покровительством церкви, самой могущественной силы наших дней. Выбирайте между жизнью и смертью. Ну, что вы скажете?

На одно мгновение у Растиньяка, точно у человека, задремавшего в лесу и проснувшегося бок о бок с голодной львицей, помутилось сознание. Ему стало страшно, но никто этого не видел; в таких случаях самые отважные люди поддаются чувству страха.

— Он один может знать... и осмелиться... — пробормотал он.

Маска сжала ему руку, желая помешать окончить фразу.

— Действуйте, как если бы то был он, — сказал неизвестный.

Тогда Растиньяк поступил подобно миллионеру, взятому на мушку разбойником с большой дороги: он сдался.

— Дорогой граф, — сказал он, опять подходя к Шатле, — если вы дорожите вашим положением, обращайтесь с Люсьеном де Рюампре как с человеком, которому предстоит поднаться гораздо выше вас.

Маска неприметным жестом выразила удовлетворение и опять двинулась вслед за Люсьеном.

— Дорогой мой, вы слишком поспешно переменили мнение на его счет, — отвечал префект, выразив законное удивление.

— Не более поспешно, чем те лица, которые, принадлежа к центру, отдают голос правым⁴, — отвечал Растиньяк этому префекту-депутату, который с недавней поры перестал голосовать за министерство.

— Разве ныне существует мнение? Существует лишь выгода, — заметил де Люпо, слушавший их. — О ком идет речь?

— О господине де Рюбампре. Растиньяк желает преподнести его мне как важную персону, — сказал депутат генеральному секретарю.

— Милый граф, — отвечал ему де Люпо чрезвычайно серьезно, — господин де Рюбампре весьма достойный молодой человек, состоящий под высоким покровительством, и я почел бы за счастье возобновить с ним знакомство.

— Вот сейчас он попадет в ловушку, которую ему расставили наши повесы! — воскликнул Растиньяк.

Три собеседника обернулись в ту сторону, где собралось несколько остроумцев, людей более или менее знаменитых и несколько щеголей. Господа эти обменивались наблюдениями, шутками, сплетнями, желая потешиться или ожидая потехи. В этой группе, столь причудливо подобранной, находились люди, с которыми Люсьена когда-то связывали сложные отношения показной благосклонности и тайного недоброжелательства.

— А! Люсьен, дитя мое, ангел мой, вот мы и оперились, приукрасились! Откуда мы? Стало быть, при помощи даров, исходящих из будуара Флорины, мы снова на щите? Браво, мой мальчик! — обратился к нему Блонде, и, оставив Фино, он бесцеремонно обнял Люсьена и прижал его к своей груди.

Андош Фино был издателем журнала, в котором Люсьен работал почти даром и который Блонде обогащал своим сотрудничеством, мудростью советов и глубиной взглядов. Фино и Блонде олицетворяли собою Бертрана и Ратона⁵, с тою лишь разницей, что лафонтеновский кот разоблачил наконец обманщиков, а Блонде, зная, что он одурачен, по-прежнему служил Фино. Этот блистательный наемник пера и в самом деле долгое время вынужден

был сносить рабство. Фино таил грубую напористость под обличьем увальня, под махровой глупостью наглеца, чуть приправленной остроумием, как хлеб чернорабочего чесноком. Он умел прибереечь то, что подбирал на поприще рассеянной жизни, которую ведут люди пера и политические дельцы: мысли и золото. Блонде, на свое несчастье, отдавал свои силы в услужение порокам и праздности. Вечно подстерегаемый нуждой, он принадлежал к злосчастной породе людей, которые способны на все ради пользы ближнего и шагу не сделают ради своей собственной, — к породе Аладдинов, отдающих свою лампу взаймы. Эти бесподобные советчики обнаруживают пронизательный и ясный ум, когда дело не касается их личных интересов. У них работает голова, а не руки. Отсюда беспорядочность их жизни, отсюда и те упреки, которыми их осыпают люди ограниченные. Блонде делился кошельком с товарищем, которого накануне оскорбил; он обедал, пил, спал с тем, кого завтра мог погубить. Его забавные парадоксы служили всему оправданием. Он все в мире воспринимал как забаву и не желал, чтобы его самого принимали всерьез. Юный, удачливый, всеми любимый, чуть ли не знаменитый, он не заботился, подобно Фино, о том, чтобы накопить состояние, необходимое для человека в зрелом возрасте. Если бы Люсьен в эту минуту срезал Блонде, как он срезал г-жу д'Эспар и Шатле, быть может он проявил бы величайшее мужество. Только что его тщеславие восторжествовало: он предстал богатым, счастливым и высокомерным перед двумя особами, которые пренебрегли когда-то бедным и жалким юношей; но мог ли поэт, уподобясь искушенному дипломату, резко порвать с двумя так называемыми друзьями, приголубившими его в пору невзгод, приютившими в бедственные дни? Фино, Блонде и он сам вместе катились по наклонной плоскости, проводя время в кутежах, пожиравших только деньги их заимодавцев. И вот, уподобясь солдату, который не умеет найти достойного применения своему мужеству, Люсьен поступил, как поступают многие парижане: он снова поступился своим достоинством, ответив на рукопожатие Фино и не отклонив любезностей Блонде. Кто ранее был причастен к журналистике или еще

по сию пору к ней причастен, тот вынужден в силу жестокой необходимости раскланиваться с теми, кого он презирует, улыбаться злейшему недругу, мириться с любыми низостями, пачкать себе руки, желая воздать обидчикам их же монетой. Привыкают равнодушно смотреть, как творится зло; сначала его приемлют, затем и сами творят его. Со временем душа, непрерывно оскверняемая сделками с совестью, мельчает, пружины благородных мыслей ржавеют, петельные крючья пошлости разбалтываются и начинают вращаться сами собою. Альцесты становятся Филинтами⁶, воля расслабляется, таланты растлеваются, вера в прекрасное творчество угасает. Тот, кто мечтал о книгах, которыми он мог бы гордиться, растрчивает силы на ничтожные статейки, и рано или поздно совесть упрекнет его за них как за постыдный проступок. Готовишься, подобно Лусто, подобно Верну, стать великим писателем, а оказываешься жалким писакой. Стало быть, выше всяческих похвал стоят люди, характер которых на высоте их таланта, — д'Артезы, умеющие шагать твердой поступью между рифами литературной жизни. Люсьен не мог противостоять вкрадчивости Блонде, который по самому складу своего ума оказывал на него неодолимое растлевающее влияние, сохраняя превосходство развратителя над учеником, а к тому же он занимал отличное положение в свете благодаря своей связи с графиней де Монкорне.

— Вы получили наследство от какого-нибудь дядюшки? — насмешливо спросил его Фино.

— Я беру пример с вас: стригу глупцов, — в тон ему отвечал Люсьен.

— Не обзавелся ли случайно господин де Рюампре каким-нибудь журналом или газетой? — продолжал Андош Фино с наглой самоуверенностью, свойственной эксплуататору в обращении с эксплуатируемым.

— Я приобрел нечто лучшее, — сказал Люсьен, тщеславие которого, уязвленное подчеркнутым самодовольством главного редактора, напомнило ему о новом его положении.

— Что же вы приобрели, дорогой мой?..

— Я приобрел партию.

— Существует партия Люсьена? — усмехнулся Верну.